

Выступление генерала Жана-Рене Башле

Генерал армии Жан-Рене Башле был генеральным инспектором вооруженных сил Франции. В 1995 г. он командовал миротворцами ЮНПРОФОР в секторе Сараево (бывшая Югославия) в самый драматичный период осады города вплоть до ее снятия. С 1999 по 2004 г. он занимался углубленными исследованиями, направленными на создание этической и поведенческой концепции для сухопутных вооруженных сил, и стал инициатором проведения масштабной реформы начальной подготовки офицеров в военной академии Сен-Сир. С опубликованным ниже обращением генерал Башле выступил на открытии Межрегиональной встречи, посвященной роли санкций в обеспечении более полного соблюдения международного гуманитарного права, которая состоялась в Женеве 15 – 17 ноября 2007 г.

.....

Сначала у меня было ощущение, что организаторы пошли на определенный риск, поручив представить эту тему мне — военному, имеющему за плечами 42 года службы, и не где-нибудь, а в пехоте. Я никоим образом не являюсь экспертом по международному праву и тем более по санкциям, которые, как принято считать, обеспечивают его соблюдение. Однако по мере знакомства с вашей документацией впечатление, что с выбором моей персоны произошла какая-то ошибка, постепенно рассеивалось. Ведь встреча посвящена поведению на войне, а эта тема, как вы понимаете, мне не чужда.

Начнем, пожалуй, с атмосферы. Она имеет большое, а может быть, и решающее значение для понимания поведения разных людей. Поэтому мне кажется, что для обсуждения вопроса о гуманитарном

праве на войне полезно прежде всего охарактеризовать абсолютно нестандартные ситуации беспредельного насилия и отсутствия ориентиров, каковыми являются боевые столкновения. Несомненно, многие из вас не понаслышке знают, что я имею в виду, — значит, это облегчит вхождение в тему.

Уточню, что представлять я буду точку зрения военнослужащего регулярных вооруженных сил — в моем случае, французской армии, — а не «вооруженного человека» вообще, поскольку это понятие для меня несколько непривычно. Те, от чьего имени я говорю, то есть выбравшие для себя военную карьеру, подчиняются праву, а именно национальному законодательству, которое, как можно надеяться, соотносится с международным правом.

Необходимость усвоения морального кодекса

Раз мы говорим о поведении, а значит, о деятельности, в которой оно проявляется, позволительно задать себе вопрос: чем было бы право, не подкрепленное усвоением действующими лицами этики — неперемennого ориентира для права? И есть большой риск того, что такое право оказалось бы пустым звуком, аналогично тому, как в той или иной державе, являющейся правовым государством, гражданский мир оказался бы под угрозой в тот день, когда граждане утратили бы убежденность в том, что их жизнь основывается на общих ценностях. Иными словами, этика, усвоенная и ставшая частью личности, на более глубоком уровне обуславливает поведение, являясь более мощным фактором, чем право, не будучи при этом его альтернативой.

Поэтому, охарактеризовав атмосферу экстремальных ситуаций, каковыми являются вооруженные столкновения, я сформулирую в связи с обсуждаемой здесь темой ряд основополагающих принципов этики военного дела, которые в таких случаях могут влиять на поведение людей. Для начала попробуем себе представить, каково оказаться в самом пекле. Я воздержусь от исторических экскурсов в далекое прошлое и напому вам лишь об одном относительно недавнем событии, которое вписывается в контекст современных конфликтов.

Обстоятельства конфликта

Перенесемся в Сараево мая 1995 г. К тому моменту международное сообщество уже целых три года присутствовало при распаде бывшей

Югославии, не будучи в состоянии что-либо сделать. После Хорватии пришел черед Боснии. Те, кто знаком со страной, поймут, что здесь борьба обещала быть непримиримой: такой она и стала.

Военно-политическая обстановка

Я и не упомяну точное количество резолюций ООН, которые грубо нарушались сразу после их принятия. На места событий направлялись «голубые каски». Их численность росла, но на поверку оказывалось, что сделать они ничего не могут. В то время только в секторе Сараево были развернуты один египетский батальон, один российский, один украинский, три французских и часть французских ВВС в аэропорту. Они находились в ведении французского генерала, командующего сектором, который руководил этим многонациональным контингентом.

Историки, несомненно, будут с интересом, а может быть, и с некоторым недоумением анализировать историю этих трех долгих лет, изумляясь тому, как можно было в нашем мире, где живут, казалось бы, столь разумные люди, нагромоздить такое количество ошибок, в частности смешав в одну кучу нормы, которые применяются в дипломатии, и правила, которые начинают действовать, когда уже принято решение о применении силы. Как бы там ни было, поначалу дипломатические словопрения поставили наши войска в положение потенциальных заложников, а затем настала очередь и самого настоящего захвата заложников: на бомбардировку окрестностей столицы боснийских сербов Пале военно-воздушными силами НАТО, о которой, кстати, командование сектора Сараево не было предупреждено, сербы отреагировали, взяв в заложники около десяти ооновских миротворцев.

Речь шла о группах, с предыдущей зимы рассредоточенных по всей сербской зоне. Однако после массовой гибели людей на рынке Маркале сербам пришлось перегруппировать свою артиллерию и сконцентрировать ее в нескольких точках. Считалось, что от применения тяжелого вооружения сербов удержит присутствие в каждой из этих точек подразделений ЮНПРОФОР, которые оказались полностью уязвимы в результате несоблюдения самых элементарных тактических правил, о чем неоднократно докладывали командиры этих подразделений. Однако их рапорты оставались безответными до того майского дня, когда сербская реакция на бомбардировку Пале вызвала серьезный кризис.

Атмосфера военной операции

Таковыми были обстоятельства развертывания операции, на примере которой мне хотелось бы показать атмосферу военных действий во всей их крайней жесточечности. Описываемые события происходили на одном из постов миротворцев, расположенных вокруг Сараево. Этот пост находится между центральной частью города на севере и сербским пригородом Грбавица на юге. Они разделены рекой Миляцка, через которую перекинут мост Врбаниа. По имени этого моста и был назван пост.

Вначале это был обычный КПП, но позднее он превратился в настоящий бункер — ведь нужно было как-то предохраняться от обстрелов с той и другой стороны. Однако этот бункер, хотя и предоставлял минимальную защиту, был обустроен вопреки всем тактическим правилам обороны. Он вдавался в сербскую зону за Миляцкой; с одной стороны над ним нависали сербские жилые дома, а с другой — дома боснийцев. За мостом к посту вел 50-метровый подъем, за которым начинался горный склон. Вокруг поста и внутри него — колючая проволока; гарнизон — десяток солдат из французского батальона ЮНПРОФОР, сменявшихся каждую неделю. Задача — изначально требовалось контролировать один из немногочисленных пунктов перехода, который эпизодически открывали между зонами, — в обстановке, существовавшей в тот момент, была изменена и состояла просто в том, чтобы держаться и ждать...

В самый разгар «кризиса заложников» в одну из майских ночей 1995 г. у командира роты, в ведении которого был, среди прочего, пост Врбаниа, вдруг пропала радиосвязь. Он прыгнул в свой джип и помчался на пост. Прибыв на место, он преодолел проволочное ограждение и сразу почувствовал что-то необычное, хотя перед постом и стоял кто-то в голубой каске. Ротный понял, что этот человек не из числа его подчиненных. Командиру и сопровождавшим его военнослужащим удалось вырваться. Он понял, что позиция занята сербами, которые каким-то образом обманули бдительность гарнизона.

Той же ночью принимается решение немедленно предпринять силовую акцию и отбить пост. Это решение было очень важным, спасительным и поворотным, если иметь в виду всю предыдущую линию поведения. Так что единственный штурм этой войны — штурм жестокий и кровавый, каким он и должен быть в понимании военных, — был предпринят той ночью «голубыми касками» от имени «международного сообщества». Всего несколько месяцев спустя считавшемуся боеспособным контингенту НАТО пришлось довольство-

ваться лишь «поддержанием мира», но это уже другая история. Я же сейчас постараюсь передать вам чувства тех, кто участвовал в этом штурме.

Представьте себе, как это было. Только-только начинает светать. Рота под командованием капитана выдвигается и спускается по склону, который ведет к посту. Для этого нужно пересечь позиции боснийцев, настроенных скептически. Между боснийских жилых домов скрытно располагаются танки. Их задача — в нужный момент поддержать огнем своих орудий продвижение пехоты. Пока все идет гладко.

Личный состав собран на исходных рубежах перед склоном и в 50 метрах от проволочного заграждения. Солдатам от 18 до 22 лет. Ими командует лейтенант, который ненамного старше своих подчиненных. Капитан тоже там. Ему всего 30 лет. Именно ему предстоит отдать приказ «В атаку!»

«Марсуэны» (морские свиньи) — так во французской армии прозвали солдат морской пехоты, которые и составляют эту роту, — бросаются вперед. Один из них сражен уже на исходном рубеже. Штурмовая группа добегают до проволочного заграждения. Другого нападающего пуля настигает прямо на проволоке. Остальные по телу погибшего товарища преодолевают заграждение. Вот и вход на пост. Среди нападающих нет ни одного невредимого. Лейтенант ранен в голову и истекает кровью.

Но вернемся к ощущениям атакующих солдат: предельное напряжение на исходном рубеже, страх, скручивающий внутренности, а затем мощный выброс адреналина, и все это на фоне автоматных очередей, грома пушечных выстрелов... Пахнет порохом, а затем и кровью...

Парни врываются на пост как пьяные. Капитан с ними, он по пятам следует за первой волной атакующих. Ему нужно думать о тысяче вещей. Прежде всего надо позаботиться о солдатах, которые охраняли пост. Он не знает, что с ними произошло. Может быть, их удерживают прямо здесь в качестве пленных? Еще одна забота — огневая поддержка: нужно сместить огонь танков, то есть осуществить маневр. Он врывается на территорию поста вслед за своими подчиненными.

Сербы отошли к дальнему концу вытянутого в длину поста, две части которого соединены тонкой перемычкой. Они не подобрали двух своих раненых, и те оказываются на пути штурмовой группы. Физическое и психологическое состояние людей, ворвавшихся на пост, я только что описал.

Определяющая роль командира

Нужно понимать, что жизнь этих раненых в тот момент висела на волоске. Они оказались перед лицом 20-летних ребят, которые, все в крови, были охвачены убийственной яростью, которую испытывает человек в таких случаях. К тому же все происходит так быстро... Могут ли раненые жертвы рассчитывать на защиту права? Предлагаю вам самим подумать об ответе на этот вопрос.

И тут проявил себя капитан. Сегодня он уже полковник. Он моментально берет ситуацию под контроль и поручает охрану раненых сербов своим подчиненным, получившим самые серьезные ранения. Он отдает им четкий приказ обеспечить безопасность пленных. Штурм второй части поста продолжается...

Здесь я завершу свой рассказ, поскольку главным для меня было показать вам, что грань между поведением солдата, которое диктуют наше культурное наследие и международное право, и варварским поведением чрезвычайно тонка. Благодаря чему она все-таки сохраняется в данном случае? Благодаря действующему международному праву? Или национальному законодательству? А может быть, из-за санкций, которые могут последовать в подобной ситуации? Конечно, нет! Здесь срабатывает инстинкт или рефлекс. В таких ситуациях природный инстинкт, несомненно, будет варварским. И именно здесь проявляется решающая, определяющая роль командира. При условии, что его слушаются подчиненные, что он признан ими и является для них больше чем просто командир — он воспринимается как старший брат, благодаря своей сильной индивидуальности, своему авторитету, своей компетентности и душевным качествам. Он один может справиться с боевой истерикой, которая толкает к варварству. Так что сказать, что его ответственность велика, значит, ничего не сказать.

Такова обстановка. А теперь я предлагаю вам, используя эти взятые из жизни ситуации, выделить главные факторы, присутствующие в военной операции, и на этой основе определить принципы, способные повлиять на этику военного дела.

Моральные принципы

Неистовое стремление к миру, которое всегда было свойственно людям, в XX в. после каждого из крупнейших конфликтов приводило к одной и той же ошибке, заключающейся в неправильном понимании природы армии и военного дела. Было принято считать, что

источником военной угрозы являются армии и само их существование. То же можно сказать и о пацифистском движении на Западе в течение всего периода холодной войны. Однако, вопреки самым оптимистическим прогнозам, падение Берлинской стены не привело к наступлению эры вечного мира, проявилась противоположная тенденция: как только с котла была снята крышка, которая прочно его закрывала в биполярном мире, наружу выплеснулось долго сдерживаемое насилие.

И вот мы снова стали свидетелями того, что уже происходило в 1930-е гг., когда люди оказались способны индивидуально или коллективно совершать худшие несправедливости по отношению к ближнему своему, причем в условиях, когда положить этому конец можно было, только применив силу, поскольку все другие методы, в том числе дипломатические и экономические, оказались неэффективными и даже контрпродуктивными.

Преобладание силы над безграничным насилием

Что такое сила? Способность к принуждению, достаточному для того, чтобы урезонить тех, кто прибегает к насилию. А еще что? Давайте не будем пользоваться эвфемизмами и скажем прямо, что это — способность уничтожать и убивать, когда нет иной возможности справиться с разгулом насилия.

Такая способность, конечно, плохо вяжется с ценностями нашей цивилизации, но ею абсолютно необходимо обладать, если мы не хотим подчиниться закону сильного или, вернее, наиболее склонного к насилию, и тем самым предать ценности, которые мы должны защищать: универсальность человека, ценность человеческой жизни, неприкосновенность и достоинство личности.

Значит ли это, что разгулу насилия мы противопоставим такое же насилие? Ведь если мы это сделаем, мы допустим эксцессы, равнозначные предательству тех же ценностей. Таким образом, сила должна быть в состоянии возобладать над насилием, но при этом не опираться на любые средства. Тут нужна высокая этическая требовательность, мы к этому еще вернемся.

Говоря конкретно, армии как раз и являются институтом, призванным при необходимости применять силу, как мы ее только что определили. Они легитимны, потому что являются в некотором роде эманацией соответствующих государств. Таковы основания «военного дела» на Западе.

Однако вернемся к ситуациям, возникающим в полевых условиях, вроде той, которую я описал выше. Выясним сначала, что же происходит в такой выпадающей из всех норм обстановке, когда нужно броситься навстречу опасности. Иными словами, какая чрезвычайно мощная мотивация может подвигнуть молодого 20-летнего парня на то, чтобы, получив приказ «В атаку!», он бросился вперед, презрев страдания и даже смерть? Только те, кто совсем ничего не понимает в военном деле, и самые упертые антимиитаристы могут считать, что здесь срабатывает неизвестно какая роботизация солдата или драконовская дисциплина, заставляющая солдата бояться командира больше, чем пулю, под которые он идет.

Первостепенная роль солидарности и братства по оружию

На самом деле все происходит не так. Почему же люди идут в атаку? Ради флага, который их осеняет? Чтобы защитить определенные ценности, свободу и т.д.? Нет, в этой сфере действует историческая константа. Люди идут в атаку, потому что в боеспособных войсках образуется очень сильная сеть отношений солидарности. С одной стороны, эта солидарность «горизонтальная», то есть дух товарищества, типичный для военных частей. Это означает абсолютное доверие к товарищам, которые находятся слева, справа и за спиной. За дни и ночи, проведенные вместе, в совместно пережитых радостях и испытаниях выковывается подлинное братство. Все исторические свидетельства сходятся на этом.

Такая «горизонтальная» солидарность сочетается с солидарностью «вертикальной». Как мы уже выяснили, власть командира держится не на насаждении драконовской дисциплины. Это очень тонкая и сложная материя. Здесь вступают во взаимодействие такие компоненты, как абсолютное доверие подчиненных к своему командиру, компетентность последнего, его авторитет и, конечно, благожелательная и обязательно искренняя забота, которую он проявляет о каждом из вверенных ему солдат. Именно это мы и называем братством по оружию. Пусть эти слова и звучат несколько высокопарно, но смысл они передают точно. Вот потому-то люди и идут в атаку. Вера в товарищей, вера в командира и вера в самого себя (ведь нельзя опозориться)... Такова по-настоящему действенная мотивация, которая движет солдатом в момент истины.

Мне могут возразить, что все это звучит уж очень двусмысленно и может быть отнесено как к лучшим, так и к худшим образцам. Ведь можно сказать, что и среди эсэсовцев культивировалось братство

по оружию. Вот потому-то и нужно, помимо прочего, общее дело обязательно этического свойства, которое диктуется ценностями нашей цивилизации, о которых я упоминал выше.

И именно в той мере, в какой это общее дело освящает «корпоративный дух» армии и братство по оружию, этика входит в сознание каждого военнослужащего, а она должна стать его частью, чтобы влиять на поведение солдат в экстремальных ситуациях насилия типа той, которую я привел в качестве примера.

Эффективность и гуманность

И вот наш солдат оказывается под воздействием двух отчасти конфликтующих принципов. Прежде всего это принцип эффективности: нужно одолеть неприятеля, урезонить распоясавшегося, оказаться самым сильным. Однако ценности нашей цивилизации таковы, что нельзя этого добиваться любой ценой. Значит, в действие вступает и начинает играть не менее важную роль принцип гуманности. Так что сила не может быть безграничным насилием, а должна обязательно находиться под контролем.

Тем, кто захочет увидеть в этом идею сегодняшнего дня — некоторые, чтобы порадоваться росту морального сознания, другие, чтобы поиронизировать над модной «политкорректностью», — я хочу напомнить о том, что мы имеем дело с многовековым наследием цивилизации. Я хочу рассказать о том, что произошло в V в. н.э. в Римской империи периода упадка. Нашествие вандалов в Северной Африке с сопровождавшими его грабежами и зверствами привело к распаду политико-административных структур, и надеяться можно было только на формирующуюся церковь. В городе Гиппон, который во времена французского Алжира станет называться Бон, а потом Аннаба, епископом был Августин. Паства стала его вопрошать: «Дадим ли мы убить наших жен и детей?» Августин ответил: «Нет».

Jus ad bellum и jus in bello

Именно так зародилось на основе концепции «справедливой войны» (конечно, неоднозначной, но разве бывает что-нибудь однозначное в человеческих делах?) грандиозное по своим последствиям стремление — часто предаваемое, но неистребимое — при необходимости иметь в своем распоряжении силу, которая не была бы насили-

ем. В Средние века это воплотится в понятиях «*jus in bello*» и «*jus ad bellum*» — юристы, конечно, знают все это лучше, чем я. Но не является ли сегодняшнее «право вооруженных конфликтов» современным переводом «*jus in bello*»?

Аналогичным образом тогдашний министр иностранных дел Франции Доминик де Вильпен, произнося в ООН пламенную речь в попытке отговорить американцев от вступления в катастрофическую войну в Ираке, в своей аргументации практически постатейно — вы можете это проверить — воспроизвел положения средневекового «*jus ad bellum*». Конечно, оратор сделал это не специально. Это показывает, насколько глубоко эти принципы укоренились в нашей культуре. Так что концепция контролируемой силы существует не потому, что это модно, а потому что она уже много веков неразрывно связана с ценностями нашей цивилизации.

Интерииоризация и инстинктивное поведение

Как мы видели, нужно, чтобы соответствующие принципы вошли в плоть и кровь. Достичь этого предстоит через обучение, в особенности начальников и командиров. Когда я еще был действующим офицером, мне однажды предложили выступить на тему, аналогичную рассматриваемой здесь, в нашем офицерском училище «Сен-Сир» в бретонском городе Коэткидан. Там я привлек в качестве свидетеля одного майора — я знал, что, будучи лейтенантом в Сараево во время «кризиса заложников», который я описал в начале своего выступления, он действовал образцово в особо сложной ситуации. На вопрос слушателя: «Почему вы отреагировали именно так?» он ответил: «А я над этим не размышлял». Лучшего ответа не придумаешь, потому что в экстремальных ситуациях, когда нет времени для размышлений, люди реагируют по большей части инстинктивно. Тут не помогут ни приказы, ни «кодексы поведения», ни «правила применения силы» и тем более право вообще, а надеяться можно только на «личный багаж» каждого. И если в этот «багаж» входят ставшие частью личности принципы, о которых мы здесь говорим, это будет единственный существенный барьер на пути варварства.

Война без ненависти

Прежде чем перейти к заключению мне бы хотелось еще раз вернуться к важнейшей культурной составляющей рассматриваемых

здесь понятий и принципов. Я имею в виду уважение к противнику. Французский «кодекс солдата» предписывает это в статье 3: «Он [солдат] контролирует себя, применяя силу, уважает неприятеля и стремится щадить население». «Кодекс легионера», принятый в Иностранном легионе раньше, чем «кодекс солдата», гласит: «Ты не должен ненавидеть неприятеля». В этом и заключается центральная идея средневекового *jus in bello*.

Однако есть и страны, причем не из второстепенных, чья военная культура рассматривает ненависть к неприятелю как норму поведения, которую должна прививать боевая подготовка. Раз уж ясно, что одновременно нужно заниматься совершенствованием международного права, было бы небезынтересно рассмотреть вопрос о тех военных культурах, в рамках которых ненависть к неприятелю рассматривается как одна из основ боевой подготовки.

Действительно, мне бы не хотелось вдаваться в долгие, хотя и не беспредметные рассуждения, чтобы показать следующее: большинство отступлений от этого многовекового гуманитарного устремления могут быть истолкованы как результат того, что неприятель предстает перед нами в дьявольском облике. Тем не менее История нас учит, что сакрализация целей войны и ее логическое следствие, каковым является дьяволизация противника во имя Бога, нации, расы или чего-либо другого, — прямая дорога к варварству.

При этом сегодня, по-моему, надо задуматься и о том, не может ли определенная сакрализация прав человека привести к результатам, противоположным тем, которых мы стремимся достичь? То же можно сказать и о явной «дьяволизации» так называемого терроризма. Ведь приписывая врагу черты дьявола, мы обрекаем себя на регресс и на скатывание к варварству.

Никто, естественно, не спорит с тем, что неизбежные террористические действия, жертвами которых становятся представители всех возрастных и социальных групп, должны быть решительно осуждены. Но в то же время в терроризме есть некая рациональность. Эта рациональность очевидна на уровне заказчиков таких актов. Речь идет о стратегии непрямого действия, так сказать обхода, которую слабые применяют в борьбе с сильными. Настолько сильными, что единственный выход состоит в том, чтобы обойти эту силу и ударить там, где больнее. А на что болезненнее всего реагируют западные общества? На удары по населению и настроению общественности. В этом заключается рациональность действий заказчиков. Конечно, в роли исполнителей выступают фанатики, однако очевидно, что их подлинными мотивами являются унижение и отчаяние.

Отсюда следует, что чем сокрушительнее сила, тем больше она стимулирует «обходные маневры», а значит, и терроризм, который она призвана подавить. И чем безысходнее положение населения целых стран и испытываемое им унижение, тем большую подпитку получает терроризм.

Когда я слышу, что объявлена война терроризму, не знаю — смеяться мне или плакать. Ведь терроризм — оружие. Это как если бы европейские короли эпохи Возрождения взяли и объявили бы войну... аркебузе. Смысла в этом нет никакого.

В заключение

Поэтому «новые формы» сегодняшних конфликтов никоим образом не отрицают высоких гуманитарных устремлений наследия нашей цивилизации. Солдат в не меньшей, а может быть, и в большей степени, чем кто-либо другой, является их носителем, даже если трагизм ситуаций, в которых ему приходится действовать, обрекает его в лучшем случае на выбор меньшего зла. Заключать — значит резюмировать и что-то открывать. Поэтому мне хотелось бы привести две короткие цитаты. Первая принадлежит моралисту Вовенаргу, который со свойственной ему лаконичностью написал: «Войну разжигает порок, а сражается добродетель».

Однако эта цитата может быть неправильно истолкована, если не дополнить ее сентенцией, произнесенной за много веков до того Блаженным Августином: «Хуже порока добродетель, которая превозносит себя». Поэтому хорошо было бы включить Блаженного Августина в число авторов, чьи труды рекомендованы для будущих политических и военных руководителей.